

КОМИССИИ ВИДНЕЙ

После окончания средней школы я решил ехать в Душанбе учиться на филологическом факультете Таджикского государственного университета. Но старик-отец противился.

Однажды утром, когда отца не было дома, я на свой страх и риск уехал в Душанбе. Я не столько думал о том, что в кармане совсем мало денег, сколько о том, чтобы скорее сдать свои документы в университет.

В Душанбе я попал впервые. Меня поразили многочисленные улицы, мчащиеся автомобили и троллейбусы, многоэтажные светлые дома. Я подумал, что если отец и захочет меня искать, то все равно не найдет в этом большом городе. Найди иголку в сене!

Но в университет я не поступил.

Нет, ничего особенного не случилось. Просто у меня кончились деньги. И я не мог больше оставаться в городе.

— Значит, вернетесь домой?, — спросили у меня в приемной комиссии.

— Нет, пока я не стану студентом, домой не вернусь. Я думаю просто пойти куда-нибудь работать, заработать деньги, и на следующий год вернуться в университет.

Медленно выходил я со двора университета. И совершенно случайно увидел объявление о наборе студентов на актерский и режиссерский факультеты Государственного театрального института имени А. В. Луначарского. Очень мне захотелось попасть в этот институт. Как это прекрасно и благородно рассказывать людям о большой правде жизни, делиться своими горестями и нести им свою радость. Но есть ли у меня талант? Примут ли меня?

Вдруг кто-то ударил меня по плечу:

— А-а, ты тоже в этот институт хочешь поступать?

Я повернулся и увидел знакомого парня.

— Я свои документы из университета забрал и сдал их в этот институт, — продолжал он.

— Я тоже забрал свои документы, вот они, но пока их никуда славать не буду. Решил пойти куда-нибудь поработать год, деньги собрать.

— Брось, сдавай документы в театральный. В Министерстве культуры сказали, что принятым будет оказана помощь. Завтра экзамены. Первый тур. Иди, пока не поздно.

И я сдал свои документы в Министерство культуры, для поступления на актерский факультет ГИТИСа.

Первый и решающий экзамен проходил в большом зале Министерства культуры. В этот день коридоры

Министерства были заполнены желающими поехать учиться в Москву. Как тогда говорили ребята, экзамен состоял из испытания на «артистическое мастерство».

В коридоре шумно «репетировали». Каждый во что горазд. Одни громко пели, другие плясали, третьи играли на музыкальных инструментах. Были и такие, которые важно ходили из конца в конец коридора, очевидно считая, что всесторонне подготовлены.

Я стоял, робко прижавшись к окну. Вызывали по списку. В зал заходили по одному. В это время ко мне подошел ярко одетый пажон и снисходительно спросил:

— Ты тоже решил в театральный поступать?

— Да, — ответил я.

— Танцевать умеешь?

— Нет.

— Поешь?

— Нет.

— Тогда ты играешь, наверное?

— Нет, друг, ничего я не умею.

— Что же ты тогда здесь время теряешь?

— Ничего я не теряю, — ответил я и отошел от него подальше. — Вряд ли, конечно, примут. Какой из меня артист!

Пригласили меня в зал последним. За длинным столом, покрытым красной скатертью, человек десять.

Ни одного знакомого лица. И все такие умные.

Они посмотрели на меня и о чем-то зашептались.

Толстый мужчина с лысиной предложил спеть или сплясать.

«Наверное, танцор», — подумал я и тихо сказал:

— Не умею.

— Тогда спойте.

— Не умею.

— Ну хотя бы так, как поешь дома, для себя.

Я запел, но из этого ничего не вышло.

Члены комиссии переглянулись.

— А сыграть что-нибудь сумеешь?

— Я не умею играть.

— А этюд? Этюд разыграешь?

Я не знал, что такое этюд. Мне постарались объяснить.

И я изобразил сцену ожидания. Потом прочитал монолог из пьесы, которую мы ставили в школьном драмкружке.

Потом сделал несколько шагов под музыку.

— Достаточно, — сказали мне.

«Провалился», — решил я и убежал из зала.

На следующий день, в том же зале зачитывали список принятых. Я пришел туда от нечего делать, ни на что не надеясь.

И вдруг услышал свою фамилию.

«Однофамилец» — подумал я, мысленно позавидовав другому Мирзоеву.

Когда все ушли из зала, я подошел к человеку, читавшему список.

— Вы назвали Мирзоева, — спросил я. — Как его зовут?

— Вы, вы, — безразлично ответил он, собирая бумаги. — Вас приняли. Или непонятно?

Мне было непонятно. Впрочем, комиссии видней.

КАШКАРИ МИРЗОЕВ,

режиссер

Душанбинской студии телевидения.